

20.09.97

69

«Я СТАРОМОДЕН, КАК БОТФОРТ НА ПАЛУБЕ РАКЕТОНОСЦА...»

Труд. — 1997. — 20 сент. — с. 5 75 лет поэту Григорию Поженяну

Эта строчка из стихов Григория Поженяна — поэта поколения шестидесятников (и давнего друга газеты «Труд»), человека, пережившего со своей страной очень многое.

Восемнадцатилетним мальчишкой он ушел на войну. Его фронтовые подвиги хорошо известны. Имя поэта было высечено на мемориальной доске в Одессе в ряду имен разведчиков, погибших ради того, чтобы спасти от жажды осажденный город.

Но Поженян чудом не погиб, остался жить. Жить, чтобы отстаивать идеалы своих фронтовых друзей. Жить, чтобы память о них сохранить в своих стихах: «Тех, кто погибли, считаю храбрее...» Смелость и крутость характера, душевную широту он получил как завещание от тех, кто не вернулся. Ну а талант — от Бога.

Сегодня уже стали забывать, что Поженян написал такие истинно народные строки, как «Мы с тобой два берега у одной реки» и «Друг мой — третье мое плечо». И тот же Поженян — автор знаменитых зонгов на музыку М.Таривердиева, столь любимых интеллигенцией.

Он очень разный, этот Григорий Михайлович, — большой жизнелюб, прекрасный рассказчик, мореплаватель и мастер по сооружению дружеских застолий.

Сегодня ему исполнилось 75. Но, несмотря на не очень молодой возраст, его признание в старомодности, — скорее всего, легкое кокетство. Хотя, конечно, он и не модернист. Поженян — поэт. И это главное. Автор многочисленных поэтических сборников, киносценариев, лауреат Государственных премий, он встречает свой юбилей новой книгой стихов, которая вот-вот выйдет в свет. И первыми прочтут из нее три стихотворения читателя «Труда».

Ольга СОЛОМОНОВА.

В Одессе, у моря,
за Тилигульской косою,
на улице Мытной, жил греческий ослик
с Мусою.

И на тарантасе,
увечном военным недугом,
Исправно возил он ребят по кольцу,
круг за кругом.
Туда и обратно, — звонил колокольчик, —
туда и обратно.
Всем весело было. Катались ребята
бесплатно.

Водитель — Муса был приравнен
к солдату — отважный татарин.
А ослик — всеобщий любимец —
обласкан и всеми задарен.
Нелегко был путь по колдобинам,
ямкам и ямам.

Но ослик был зорким
и неудержимо упрямым.
— Смелее, Марчелло, — он странно
Мусой величался: Марчелло!
А дети кричали: кто «Марчик»,
кто «Марик» — не в этом же дело.
Был месяц лиловых левкоев
и белых акаций.

Гремели снаряды...
А детям хотелось кататься.
И все же однажды, как это бывает:
и все же...

Пришел «ясновидец» с портфелем
из завтрашней кожи.
Сказал он Мусе:
— Я приветствую ваши старанья...
Осла уберите.

С утра прекратите катанья...
...Был август... Плыл ястреб...
У бабочек краткие даты.
Тогда еще жили: два Юры, Володя
и Зяма с Булатом.

Жить неприметно, как живут березы.
Наперекор стихиям, как дубы.
Упрямо ждать дождей, как ждут грибы.
И высыхать, как высыхают слезы.
Дружить, как муравьи, и не лениться.
Не знать, как барсы, что такое страх.
И одиночеству у черепах,
в свой чуткий мир зарывшись,
научиться.

А я свое никак не пронирну.
Ни к свету вверх и ни к лугам —
в длину.
Такими, видно, срублен топорами,
К такой, едва родившись,
призван драме,

И если уж не ссылка, то окоп.
Обрублены и корни, и движенья.
И если виден свет из всех окон,

То он окрашен кровью постиженья.
Но, слава Богу, есть кого обнять.
И, не жалея ни о чем нисколько,
под парусом своей больничной койки
готов я всех простить. И всех понять.

Была и не будешь

Е.Ф.

Была и не будешь
так странно возлюблена кем-то.
И небо убудет,
Как профиль последнего кельта.
В безводном стакане
не вырастут крылья у клена.
И барс мой не станет
глядеть на тебя изумленно.
И то, что двоилось
в упавшую под ноги полночь
Не сдастся на милость,
Желанный озноб не заполнит.
И даже ключицы
так явно не вспыхнут под кожей.
И то, что случится,
не то это будет, не то же.
Сгоревшее лето
чужою росой не остудишь.
Так странно возлюблена кем-то
была и не будешь.

Пожениам Григорий